

**Эссе «При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою...»:
к 240-летию со дня рождения В. А. Жуковского**

*Как пусто было б без Тебя
(Помыслим, если б что-то было).*

*Никчёмность, глупость бытия,
Где мир — вселенская могила.*

Как пусто было б без Тебя!

Иеромонах Роман (Матюшин)

из книги «Надмірний путь: стихотворения»

Обзор ярких, богатых, разнообразных книжных витрин и стеллажей с православной, особенно поэтической, литературой в храмах, на ярмарках, в библиотеках, а также анализ процесса подготовки и проведения православных литературно-поэтических просветительских программ в стенах духовной школы, невольно порождает ряд вопросов. Чего ждет современный читатель от каждой новой встречи с православной книгой, с поэтическим текстом, основа которого – это христианские образы и смыслы? При этом важно – созданы ли они в прошлые века или же остроактуальны и современны? И всегда ли авторы этих произведений по-прежнему честны и справедливы?

Думаю, что не ошибемся, если вслед за автором строк эпиграфа к нашему эссе, провозгласим: Истина для православного человека – это Христос, а образ Евхаристии – это *воплощенная идея благодарения* за Жертву, открывающую путь ко Спасению, к долгожданной встрече с Богом. Поэтому православная литература по своему содержанию всегда призвана, способна *воскресить в человеке чувства благодарности* за весь дарованный Божий мир («*Как пусто было б без Тебя!*») и мысль о том, что поиск иных смыслов жизни – *всегда тупиковый*.

О том, что же такое «русская поэзия благодарения» и исконно, и сегодня хочется говорить, непрерывно цитируя совершенно уникальные по своей

глубине, искренности строки иеромонаха Романа (Матюшина). И сегодня этот православный автор, ликуя, как и в XIX столетии В. А. Жуковский, торжественно возглашает, словно от нашего имени:

Но жив Господь! И ад бежит!
И всё премудро во Вселенной.
И Смерть уже не утрашит
Того, кто вырвался из плена.
Но жив Господь! И ад бежит!

Примеры такой *исконно русской «поэзии благодарения»*, ярким свидетельством которой можно с уверенностью назвать элегию «Теон и Эсхин» (1814) Василия Андреевича Жуковского.

В год его 240-летия со дня рождения важно вспомнить, что речь идет не только о произведении автора *романтически-сентиментального направления в русской литературе*, но и творчестве глубокого историка, публициста, наконец, поэта-романтика и трибуна. И не менее важно всем нам попытаться увидеть и понять ту цену, которую заплатил В. А. Жуковский *за мужество и силу таланта сближения, встречи читателя с жизнью (как справедливо о нем писал в начале прошлого века критик М. П. Минин¹)*.

Попробуем и мы погрузиться и понять строки элегии В. А. Жуковского «Теон и Эсхин».

... В сложный и болезненный, требующий глубокой и честной рефлексии период жизни, 31-летний поэт приглашает читателя в тернистый умозрительный *путь самопознания и поиска Истины*. Он не скрывает, что, скорее всего, это будет встреча, на которой нас ждет и размышление о полном разочаровании в земных удовольствиях, которые может предложить человеку жизнь.

---

¹ Минин П.М. К характеристике литературной деятельности В.А. Жуковского: [(По поводу пятидесятилетия со дня его кончины)] // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 4. С. 766–787 (3 я пагин.). [электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/k-karakteristike-literaturnoj-deyatelnosti-zhukovskogo/> (дата обращения: 10.04.2023).

Но это еще и будет шанс для обретения человеком нового мирозерцания. Василий Андреевич Жуковский как поэт-просветитель постепенно «внушает читателю мысль о совершенстве и гармонии неземного мира и этим побуждает сбросить груз земной суеты, презреть мелкие интересы и оживить истинно человеческие свойства» (С. М. Скибин)².

Так, уже после первого беглого прочтения этой элегии у внимательного читателя возникает вполне логичный вопрос. Действительно ли приведенные в теме слова историка и поэта – участника и свидетеля победы России в Отечественной войне 1812 года, раскрывшего талант А.С. Пушкина, преподававшего русский язык жене Николая I и наставника будущего императора Александра II – созвучны нашей эпохе?

Думаем, что при более внимательном знакомстве с текстом этой элегии многие наши современники сегодня способны острее прочувствовать текст элегии Жуковского, чем еще буквально пару лет назад. Мы наблюдаем разрыв мировоззрений, цивилизаций и их непримиримую борьбу за доминирование в будущем развитии человечества, словно окончательно сметающую ценность человеческой жизни – той самой, за которую взошел на Крест Спаситель.

У В. А. Жуковского эллин Эсхин выражает скорбь язычника об утраченной «надежде». Но, в действительности, надежда не утрачена. Просто ее и не было в сердце, изнурявшемся «роскошью, и славой, и Вакхом...».

И наши современники-читатели в состоянии болезненного переживания слома цивилизации потребления, подобно Эсхину, все чаще начинают размышлять над очередным вопросом: на что может надеяться человек, все существо которого заключено в удовольствии и где ему искать выход из этого нравственного тупика? «Не только цвет жизни сорван», но и «увяла душа; в ней скука сменила надежду».

Сегодняшнему честному читателю, безусловно, становится близок этот мировоззренческий слом героя: мы тоже находимся на рубиконе, когда старые ценности, к которым многих приучали с ранних лет, объявляются

---

² Скибин С.М. Нравственный пафос поэзии Жуковского. «Теон и Эсхин». М., 2005.

фальшивыми. Наш современник, подобно Эсхину, по-прежнему смотрит на роскошь и земные мирские блага, но они больше не дают надежды на спасение. Такую меланхолию замечает в себе и Эсхин:

Всё те ж берега, и поля, и холмы,

И то же прекрасное небо.

При этом он подчеркивает, что душе этого мало, и она все тоскует. Но даже если Эсхин сможет вырваться в сферу «неподвижных звёзд», то упрется головой в жесткий каркас непроглядной тьмы, тюремной стеной сковывающей античный космос.

Да, В. А. Жуковский, как серьезный историк, безусловно, был прав. К осознанию этих пределов подошло человечество еще к концу первого века до нашей эры. Красота космоса воспета, философская мысль отточена, великие империи созданы. А душе по-прежнему нет ей утешения. И что же остается делать человеку?

Отвечая на этот вопрос, В. А. Жуковский вводит второго героя – Теона, который прошел этот путь, когда и «счастье, как тень, убегало», олицетворяя собой зарождение христианства. Прочувствовав, что

боги для счастья послали нам жизнь –

Но с нею печаль неразлучна,

Не случаен был выбор имени для этого героя В. А. Жуковского. Теон (есть в его имени нечто Божественное) провозглашает принципиально новые ценности пока еще в Эсхиновых терминах. Ведь это диалог культур, только знаменующий начало борьбы, в ходе которой можно усмотреть осмысление христианских категорий, пробирающихся к читателю сквозь кружево античного стиля.

Так постепенно Теон выносит вердикт дохристианской языческой культуре в лице Эсхина: «Ты жизнь презирать научился».

Увы, такое презрение к жизни в течение многих будущих столетий выскажет еще не один революционер от философии, решивший бросить вызов христианству. Без Христа человек рано или поздно дойдет до отречения и от

себя самого. И современная культура это наглядно демонстрирует, к сожалению, нарастающее стремление к преодолению всего человеческого в трансгуманизме, деконструкцию норм и ценностных понятий в постмодерне и др.

Вот, наконец, мы и подошли к заключительному читательскому вопросу. Кто и как способен сегодня помочь нашим духовно растерянными и уставшим современникам вспомнить об условии обретения человеком образа нравственного величия и уникальности?

Василий Андреевич Жуковский в своей элегии мягко подводит своего читателя к ответу на этот вопрос. Выход нужно искать за пределами любых земных ценностей – в Вечности, поэтому искренне религиозному, православному человеку легче переживать судьбоносные моменты истории. Его система ценностей непоколебима, его картина мира не рушится от сменяющихся идеологий, он понимает, зачем живет. И об этом ему всегда, во все времена напоминают тексты молитв, евангельские отрывки, звучащие во время богослужений, чтение святоотеческих трудов и, конечно же, возвращение к перечитыванию *«поэзии благодарения»*, которая убеждает, что *«неверующих стихотворцев не бывает»*.

При мысли великой, что я человек,

Всегда возвышаюсь душою...

Не бахвальство автора видится в этих словах, не гордость от своих заслуг и не самовозвеличивание.

Но в этих словах отражены исключительно благоговение и трепет от осознания своей причастности к невыразимо великому, совершенному, непостижимому, но абсолютно необходимому – источнику благого бытия.